

● СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Олег ТАБАКОВ:

«Увидеть в человеке главное...»

У меня была тайная надежда, что встреча с Олегом Табаковым состоится в театре «Современник». Однако заставить его там оказалось нелегко. Директор театра, его художественный руководитель, блестящий актер на сцене и в кино, постановщик радио- и телепередач — все это, понятное дело, требует времени. И поэтому встретились мы субботним утром не там, где хотелось, а там, где пришлось, — в Доме звукозаписи. Здесь Олег Павлович работал над новой литературной радиопередачей «Пятнадцатилетний капитан».

Несмотря на это, первый вопрос был все-таки о «Современнике»:

— Чем объяснить стабильный многолетний успех театра, который скоро отметит свое двадцатилетие?

— Если говорить о прожитых годах, то главной особенностью «Современника» было стремление ставить спектакли не конъюнктурно-го плана, на ту или иную «модную» в разные времена тему, а спектакли о проблемах, волнующих наших современников.

И когда это удавалось, рождалось самое ценное, что может быть в творческой практике, — соединение нравственной истины, правды жизни с художественными достижениями. Гражданскую состоятельность и высокий художественный вкус я считаю самым главным и серьезным предназначением театра.

Конечно, не все наши спектакли равноценны, не все совершенны, но, прядя к нам, зритель почти никогда не разочаровывался. Если у театра и зрителя есть взаимное уважение, то они ведут разговор на равных, и чуткость этого разговора, взаимная уважительность и являються, как мне кажется, причиной неослабевающего внимания зрителя к нашей работе.

В репертуаре театра, возглавляемого О. Табаковым, есть вещи давно и по многу раз читанные, сыгранные другими коллективами. Но в постановке «Современника» все они получают какое-то новое, не слышимое ранее звучание. Это относится прежде всего к «Обыкновенной истории» Гончарова, к горьковской пьесе

«На дне». Знакомые произведения в новой трактовке заставляют зрителя так же напряженно следить за действием, как это было бы, например, с новой пьесой.

— Скажите, пожалуйста, Олег Павлович, почему в вашем театре происходит «возрождение» классики?

— Владимир Иванович Немирович-Данченко говорил, что театр должен ставить только современные вещи. Но современных хороших пьес бывает одна-две в год: стало быть, по выражению того же Немировича-Данченко, приходится ставить классику, но такую, которая чем-то существенным, важным переключалась бы с проблемами сегодняшнего дня. Для этого не нужно преодолеть действующих лиц классических пьес в современное платье — я не сторонник, а скорее противник таких приемов. В настоящей классике есть такое множество граней, что если всерьез соотнести их с нынешними, то наверняка возникнет эффект совмещения, и то, что волновало людей пятьдесят лет назад, будет волновать их и сегодня, и завтра.

Вероятно, именно поэтому спектакль «На дне», поставленный Галиной Волчек — скоро состоится его сотый показ, — всегда идет при переполненном зале.

Репертуар нынешнего сезона мы старались формировать разнообразно и последовательно.

Одна премьера — «Из записок Лопатина» Константина Симонова. Интеллигентная, на мой взгляд, серьезная пьеса о становлении художника в горниле войны.

Галина Волчек ставит пьесу «Эшелон». Я влюблен в эту пьесу Рошина. Я не занят в ней как актер и поэтому могу судить более или менее объективно. Кажется, прекрасно будет играть в ней наши актрисы; симптоматично, что в этот Международный год женщины в спектакле будет занят весь женский состав труппы.

Английский режиссер Питер Джеймс поставит у нас комедию Шекспира «Двенадцатая ночь» — спектакль, в котором будет представлена большая группа нашей молодежи. Следующая работа театра — «Вишневый сад» Чехова. А завершит сезон пьеса

Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедях».

Как я уже говорила, Олег Табаков относится к числу популярнейших актеров советского театра и кино. Диапазон сыгранных им характеров удивительно широк.

Везде актер разный, но в одном он верен себе — в точности и достоверности создаваемого образа. Так может играть лишь человек, досконально знающий характер своего героя, условия, в которых он трудится и живет.

— Если у нас с вами уж зашел разговор об актерской технологии, то должен сказать, что не люблю «шаманства» в разговоре о профессии, о ремесле. Я люблю это слово — «ремесло». Оно означает: дело твоих рук. Так вот, при наличии серьезных способностей работа актерская — это вся твоя жизнь, во время которой ты успел увидеть то, что другие не заметили, запомнить то, мимо чего другие прошли. У писателя есть записные книжки, у художника — этюдинки, у актера — его эмоциональная память. Ведь для того, чтобы актрисе сыграть доярку, совсем не обязательно вставать по ночам и смотреть, как та доит коров. Зрителю совсем неважно, где ты увидел эти натруженные руки — у доярки или у собственной матери, или у рабочего, что ставит нам декорации, или у молодых девчат на Волжском автомобильном заводе, — важно, что ты увидел их и запомнил!

— Часто приходится слышать и читать, что труд актера, его общение со зрителем — это вечный, непрекращающийся праздник. Но, с другой стороны, часто говорят и о том, что это — тяжелейший труд, связанный с постоянным эмоциональным и нервным напряжением. Ежедневно играть с полной отдачей, десятки раз воссоздавать на сцене один и тот же образ, не обедняя его ничем и не сфальшивив в угоду настроению, — действительно ли это так трудно?

— Да, мне думается, что актерская профессия несколько сродни службе солдата. Я это говорю не для метафоры, а просто чтобы было понятно: я хочу подчеркнуть, что это — постоянная готовность быть призванным, постоянная готов-

ность работать, не считаясь с психологическим и физическим состоянием.

Я очень люблю свою профессию, считаю, что отношения между зрителем и актером, между творцом и тем, для кого это творчество существует, вообще похожи на любовь. Те дополнительные мощности, которые открывают во мне (а в данном случае я говорю о профессии в целом) непосредственное общение с людьми, для которых ты работаешь и существуешь, несравнимы ни с чем. Импульсы, которые посылает зрительный зал в ответ на что-то сделанное мною, рожают во мне возможности, о которых я сам подчас и не подозреваю.

— Были ли у вас сомнения в выборе профессии?

— Пожалуй, нет. Я примерно к девятому классу так много времени и энергии отдавал драмкружку Саратовского Дворца пионеров, что альтернативы у меня не было никакой.

Правда, мои родители хотели, чтобы я стал врачом (у нас в семье все врачи). Но для меня вопрос был решен, хотя и не без доли юношеского авантюризма. Я я до сих пор считаю, что без риска не может быть настоящей радости, настоящего преодоления.

— Какие требования предъявляете вы своим коллегам, по какому принципу подбираете коллектив, что цените больше всего в товарищах по профессии?

— Помимо таланта, безусловную любовь к своему делу, способность к полной самоотдаче — без оговорок. Без этого не состоится ни настоящий актер, ни настоящий человек...

За моей спиной уже давно стоял звукорежиссер и делал Табакову неведомые знаки. Наше время кончилось. Но успеваю задать последний, традиционный вопрос:

— Личные привязанности?..

— У меня нет хобби. Я люблю театр. Если же мы с вами встретимся месяцев через восемь, то я вам расскажу о деле, которое начал, — о создании студии.

В последние годы мы думаем о расширении круга творческих задач, стоящих перед нашим театром. В его репертуаре еще не было произведений таких драматургов, как Гоголь, Достоевский, и других. Мне кажется, что отсутствие этих имен в каком-то смысле обедняет творческую палитру театра.

Да, «Современник» по-прежнему стремится быть гражданским, он по-прежнему актерский, где главная фигура — актер, живущий в гуще событий сегодняшнего дня. Но, повторяю, задачи хотелось бы решать еще более сложные, более разнообразные, современно звучащие и одновременно отражающие героину и сегодняшнего дня.

Т. БОЛЬШАКОВА.